

УДК 82:801.6

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-82-4-252-259

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ В ТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

© Нурфия Юсупова, Муслима Гильманова

MYTHOLOGICAL STORIES IN TATAR POETRY IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY: FEATURES OF TRANSFORMATION AND FUNCTIONING

Nurfiya Yusupova, Muslima Gilmanova

The article studies the features of the mythological plots' transformation and functioning in Tatar poetry of the second half of the 20th century based on the poetic works of I. Yuzeev and Z. Mansurov. Mythological plots in Tatar culture of the 20th century manifest themselves in different forms: intensive use of mythological plots, their transformation and creation of "authorial myths". This feature of the national culture is clearly seen in the poetry of the second half of the 20th century when classical types of creative thinking are intertwined with non-classical - avant-garde ones mutually enriching each other. Tracing the main trends in the artistic interpretation of mythological plots, determining their features of transformation and functioning in the poetic texts of I. Yuzeev and Z. Mansurov allows us to identify specific features of the national literature development in the second half of the twentieth century, to interpret its general and particular features in the patterns of the literary process development. Moreover, the methodological ambiguity of the studies in the field of national poetry in this period actualizes research interest in the problem of Tatar literature interaction with mythological traditions. The article focuses on the study of transformation and features of the mythological plots' functioning in the poetic texts of I. Yuzeev and Z. Mansurov as a holistic phenomenon in literary criticism. The object of the study is I. Yuzeev and Z. Mansurov's poems, which clearly demonstrate the main trends in the use of mythological plots in Tatar poetry in the second half of the twentieth century; the subject of the work is the features of mythological plots' transformation and functioning. As a result of our study, we argue that in the second half of the twentieth century, mythological plots became both a means of conveying the author's position, and a means of structuring the organization of poetic texts, which indicates the beginning of a new stage in the artistic interpretation of mythopoetic plots in the development of Tatar poetry.

Keywords: Tatar poetry in the second half of the 20th century, mythological plot, mythological image, functioning, transformation, poetic text

В статье изучаются особенности трансформации и функционирования мифологических сюжетов в татарской поэзии второй половины XX века на материале поэтических произведений И. Юзеева и З. Мансурова. Мифологические сюжеты в татарской культуре XX века проявляются в разных формах: интенсивное использование этих сюжетов, их трансформация и создание «авторских мифов». Эта особенность национальной культуры явственно проявляется и в поэзии второй половины XX века, когда классические типы творческого мышления переплетаются с не-классическими – авангардными, взаимообогащающими друг друга. Прослеживание основных тенденций художественной интерпретации мифологических сюжетов, определение их особенностей трансформации и функционирования в поэтических текстах И. Юзеева и З. Мансурова позволяют выявить специфические особенности развития национальной литературы во второй половине XX века, интерпретировать общее и особенное в закономерностях развития литературного процесса. Во-вторых, методологическая неоднозначность изучения национальной поэзии данного периода актуализирует исследовательский интерес к проблеме взаимодействия татарской словесности с мифологическими традициями. В ходе исследования акцентируется внимание на изучение трансформации и особенностей функционирования мифологических сюжетов в поэтических текстах И. Юзеева и З. Мансурова как целостного явления в литературоведческом аспекте. Такой подход позволяет выявить связи татарской поэзии с системой мифологических традиций. Этим объясняется научная новизна статьи. Объектом исследования являются поэмы И. Юзеева и З. Мансурова,

в которых ярко проявляются основные тенденции использования мифологических сюжетов в татарской поэзии второй половины XX века, предмет работы – особенности трансформации и функционирования мифологических сюжетов. В результате изучения произведений представленных авторов утверждается, что во второй половине XX века мифологические сюжеты становятся средством не только передачи авторской позиции, но и структурирующей организации поэтических текстов, что свидетельствует о начале нового этапа в художественной интерпретации мифопоэтических сюжетов в развитии татарской поэзии.

Ключевые слова: татарская поэзия второй половины XX века, мифологический сюжет, мифологический образ, функционирование, трансформация, поэтический текст

Для цитирования: Юсупова Н., Гильманова М. Мифологические сюжеты в татарской поэзии второй половины XX века: особенности трансформации и функционирования // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 4 (82). С. 252–259. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-82-4-252-259

В литературоведении миф (гр. *mythos* ‘сказание, предание’) характеризуется как самая древняя форма общественного сознания, которая отражает происхождение мира и человека, вбирает в себя древние поверья о богах и правителях, о подвигах героев; дает представление о жизни людей в древности, об их самосознании, о том, как они объясняли непонятные, таинственные природные, физиологические и общественные явления [1, с. 115]. Мифом называют не выдумку, не бессмысленность, а отражение «высокого сознания, художественного восприятия мира древними людьми и его моделирование» [2, с. 125]. По мнению Я. В. Погребной, в современном понимании мифа можно выделить два аспекта: «архаический, первобытный, изначальный миф, который несюжетен, недискретен, и реализуется как циклический, постоянно воспроизведящийся механизм», и «миф как вторичная семиологическая система, воспроизводящая отдельные законы и структуры мифологического мышления в отдельных элементах целостной художественной структуры, восходящей к первичному архаическому мифу» [3, с. 49].

Отражение мифа в литературе характеризуется, с одной стороны, формой «игры» с традиционными мифологическими образами и сюжетами, с другой стороны, переформатированием мифа в соответствии с представлениями автора и созданием новой мифологической действительности. Как показывают исследования Е. А. Мироненко, «миф может находить свое воплощение на всех уровнях художественного текста: в об разной системе, мифологической топике, в сюжете, в использовании мифологической детерминации, в структуре пространственно-временных отношений и т. д., вплоть до воспроизведения мифологического сознания, а в количественном отношении может варьироваться от отдельных аллюзий до воссоздания целостного мифологического сюжета или аналогичного ему

сюжета» [4, с. 43]. Поэтому и принято использовать термин «мифологизация». Под ним подразумевается использование уже известных мифов или их частей, их трансформация и создание новых мифов, мифологических мотивов.

Мысль о том, что искусство XX в. сплошь мифологизированное, может быть доказана и на примере татарской поэзии, особенно в произведениях начала XX в. – периода «формирования новой светской литературы, активного поиска новых приемов и средств художественной выразительности, обогащения содержания и формы литературного произведения, усиления символического мышления» [5, с. 211–214], когда обновленные, переноминированные сюжеты известных мифов и легенд начинают выполнять функцию символа как основное средство изложения философских воззрений поэтов. В начале XX в. татарские поэты обращаются как к исламским, так и к тюркским мифологическим сюжетам, с их помощью формируют представление об этнонациональных проблемах, вырабатывают новую общественно-философскую концепцию, при помощи которой раскрывают национальную идею или общечеловеческую философию; таким образом, формируется тенденция переосмысления или трансформации мифологических сюжетов. Подобная тенденция наблюдается и в татарской поэзии 1920-х гг.: например, Х. Такташ в поэме «Жир уллары трагедиясе» («Трагедия сынов земли», 1921) обращается к религиозному мифологическому сюжету о Каине и Авеле. Обращение автора к библейскому сюжету «не покрывает всего смысла заглавия, которое в ходе развития сюжета гиперсемантизируется. Акцентируемое многочисленными повторами, название произведения образует доминантную сквозную аллюзию, проходящую через все произведение и обеспечивающую соположение двух сюжетов – библейского и авторского, превращая сам текст в сюжетную метафору и способствуя тем самым

новому прочтению старой притчи о грехопадении и первом убийстве в истории человечества» [6, с. 270–271]. Эта тенденция продолжается на протяжении всего литературного процесса прошлого века, где «мифологизм является характерным явлением и как художественный прием, и как стоящее за ним мироощущение» [7, с. 35]. Как показывают исследования Э. Кассирера, «Во все критические моменты человеческой жизни рациональные силы, сопротивляющиеся выходу на поверхность старых мифических концепций, не могут быть уверены в себе. В это время возвращаются мифы – они никогда не были понастоящему подавлены, подчинены, и лишь ждали своего часа, чтобы появиться из тени на свет» [8, с. 118]. Актуализация мифологических сюжетов в татарской культуре и литературе второй половины XX в. связана с выявлением «вечных истин, непреходящих ценностей на фоне катастрофизма мира», «摧毀文化, 破壞根基 основ человеческого бытия, тектонических сдвигов сознания, сотрясающих Россию» [9, с. 251]. Общеизвестная мысль о том, что в литературах второй половины XX в. происходит «интенсивная кристаллизация в миф повседневного опыта, осмысление его в притче и поучении» [10, с. 244], подтверждается и на материале татарской поэзии данного периода.

Как пишет М. И. Ибрагимов, в каждой национальной литературе живут свои «мифологические традиции» – особенно часто используемые мифологические образы и сюжеты. В восточных же литературах, в том числе в татарской поэзии, активно используется мусульманская мифология, а также нашли отражение доисламские языческие и тюркские мифологические сюжеты [11, с. 39]. Однако в татарской поэзии второй половины XX в. авторы обращаются и к европейской, в частности греческой, мифологии, при этом не только используя готовые мифологические сюжеты и образы, но и трансформируя их, создавая новые «мифы». Продолжая высказывание Л. Колобаевой, татарские поэты-авангардисты, чтобы выразить свою авторскую позицию, помимо «объигрывания» традиционных мифов, их чаще «переделывают» [12, с. 213] и трансформируют.

Обращение к мифологическим сюжетам в данном периоде происходит на фоне авангардных традиций XX в. В данном ключе особенно интересны поэтические тексты И. Юзеева и З. Мансурова, обращенные к греческой и тюркской мифологии. Так, поэма И. Юзеева «Мәңгелек белән очрашу» («Встреча с вечностью», 1982) при помощи мифологического сюжета об Атлантиде воссоздает «разветвленную

мифопоэтическую систему» [13, с. 88] с ориентацией на философский контекст, иллюстрирующий авторскую идею. Мифологический сюжет об Атлантиде не раз привлекал внимание русских поэтов, начиная с Серебряного века, в частности в таких произведениях, как «Атлантида» Вяч. И. Иванова, «Город Золотых Ворот» К. А. Бальмонта, «Гибель Атлантиды» В. Хлебникова, «Гибель Атлантиды» Георгия Голохвастова, «Атлантида» Виктории Преображенской, «Легенда об Атлантиде» Марины Новиковской и т. д. Литературное осмысление мифологического сюжета о погибшей цивилизации атлантов в татарской поэзии происходит во второй половине XX в. Поэма И. Юзеева является одним из первых произведений в татарской поэзии, обращенных к греческой мифологии об Атлантиде. Размышляя о смысле жизни, проблемах добра и зла, И. Юзеев в своей поэме актуализирует греческий миф об Атлантиде.

В композиционном плане поэма представляет собой единство реалистического, мифологического и философского пластов. Мифологический сюжет во временной проекции связывает воедино все пласти поэмы: прошлое, настоящее, будущее соединяются в единое целое [14, с. 148]. Реалистический пласт в структуре поэмы связан с событиями, относящимися к раскопкам археолога Атланта на поле боя, ранения его от взрыва снаряда. В сюжетной линии поэмы эта часть соответствует прологу.

Лежащий в основе поэмы мифологический сюжет об исчезнувшей Атлантиде напоминает легенду, записанную Платоном: в Атлантическом океане на легендарном острове (архипелаге или даже континенте) жили атланты, но в результате землетрясения и наводнения остров, который уподобляется «острову святых», ушел под воду. Из-за того, что народ был слишком гордым, Зевс их осудил, и в результате океан поглотил остров. Сюжет поэмы повествует о том, как археолог Атлант был ранен в процессе поиска исчезнувшей Атлантиды, попал в подземное царство, встретился с греческими богами, затем с помощью Афины вознесся в небеса. На этом завязывается конфликт человека с богами.

В поэме сюжет об Атлантиде носит сакральный характер и формирует универсальную оппозицию сакральный/профанный в противоположность современной Земле. Эти два мира соединяет радуга, которая символизирует границу перехода между реальным и ирреальным миром:

«Без атланлар дигән мәгъур халык идең,
Атлантида утравында тормыш кордың,
Сүтышлардан-талашлардан баш тарттың та,

Ирек яулап, Шатлык чәчтек, Бәхет урдык.
Юлбашчыбыз – Атлант батыр, ақылы – Жир,
Көче океан, хисе – олуг дингез иде...
„Патша да – без, алла да – без, титан да – без,
Бу утрауда һәрбер атлант – тигез“, – диде» [15,
с. 227]. –
«Мы были гордым народом – атлантами,
На острове Атлантида мы выстроили свою жизнь,
Мы отказались от войн и ссор,
Завоевали Свободу, посеяли Радость, пожнали
Счастье.
Наш вождь – храбрый Атлант, наш разум – Земля,
Наша сила – океан, Наши чувства – великое мое...
„Мы и цари, мы и боги, мы и титаны,
На этом острове все атланты равны“» (здесь и далее подстрочный перевод наш. – Н. Ю., М. Г.).

Общеизвестно, что в мифологических сюжетах создаются основные модели бытия человека в мире. Главные герои поэмы Атлант, его сын Икар, а также второстепенные мифологемы – мифические греческие боги, используются как символы интерпретации авторской позиции о смысле жизни, об основных ценностях бытия человека. Интерпретируя образ Атлантиды, Ильдар Юзеев создает идеальную модель жизни человека на Земле. Гордый, целеустремленный, сильный Атлант выполняет роль объединителя земли и неба, реального и идеального миров:

«...Жирдә яшәр өчен мәңгелеккә
Килмәвемне беләм, –
Тик шулай да очрашырга телим
Мин Мәңгелек белән!..
Минем эле олы хыялым бар!..
Заманнарны бергә очраштыру!
...Борынгыны,
Бүгенгәне
Күзгә-куз караштырып сөйләштерү...» [Там же,
с. 183]. –
«...Понимаю, что рожден я не для вечности, –
И все равно хочу встретиться
С Вечностью!..
У меня еще есть большая мечта!..
Устроить встречу всех времен!
... Чтобы Прошлое,
Сегодня
Поговорили с глазу на глаз...»

Главная цель Атланта – это наставление людям учитывать прошлый опыт, помнить об ошибках и двигаться вперед по верному пути. Сын Атланта Икар эту мечту отца считает сказкой, утопией:

«Икар:
Ә безгә бит, эти, артка түгел,
Бары алга, алга барасы...
Менә мин Киләчәккә китең барам...»

Балачактагы әкияттәге кебек,
Очыйк икәү Кояшта таба!» [Там же, с. 184]. –
«Икар:
А ведь нам, отец, не назад,
Идти вперед, только вперед...
Вот я иду в Будущее...
Давай словно в детской сказке,
Полетим навстречу Солнцу!»

Икар в поэме изображается как космонавт, который мечтает летать по просторам вселенной. В мифологии Икар – сын Дедала, который при помощи крыльев, сделанных отцом, летит к Солнцу, но сгорает и погибает. Но И. Юзеев трансформирует этот посыл и поднимает Икара до уровня современного героя, сильного духом, не знающего поражений, представителя будущих поколений. Этот прием используется с целью интерпретации авторской позиции: последнее слово, клятва произносится Икаром:

«Икар:
Изге ант итеп эйтәм. (хор күшyllа)
Коткарырбыз Жиребезне
Коточкыч һәлакәттән!
Кешелек дошманнарының
Мәкерле уен өзеп,
Тормыш биргән Туган Жиргә
Яуларбыз Улемсезлек!» [Там же, с. 254]. –
«Икар:
Говорю как истинную клятву. (присоединяется
хор)
Спасем нашу Землю
От страшной катастрофы!
Врагов человечества
Коварные мысли прервем,
Родной Земле, подарившей нам жизнь,
Добьемся бессмертия!»

Каждый из богов в структуре поэмы выполняет свою функцию. Хозяева Олимпа – главный бог Зевс и его дети: Афина, богиня неба, покровительница счастливой жизни, Аид – бог подземного царства, Ареи – бог войны, Ананка – богиня судьбы – все соответствуют определенной философии бытия и в структуре произведения отражают архетипическую модель мира – Земля, Небо и Ирреальный мир. Хронотоп мифологического сюжета в поэме объединяет оппозицию небо/земля, прошлое/настоящее. По мнению Л. Шаеха, события произведения происходят в Сегодня, Прошлом и Будущем, под Землей, на Земле и в Небе. Можно было бы подразумевать, что Подземелье – это Прошлое, Земля – Сегодня, Небо – Будущее [16, с. 130].

Небо в мифологии считается обителью богов и символизирует «божественное начало», а земля – миром людей и источником жизни. Но И. Юзеев трансформирует эту модель: образы

богов и человека отождествляются с понятиями зла и добра. По мнению автора, добро и зло – две стороны вечно обновляющейся жизни: с одной стороны, мир, в котором живет человек, жесток и несправедлив, с другой стороны, зло, коварство и жестокость свойственны и человеческой природе. Так, главный бог Зевс, управляющий Землей и Небом, – это судья, стоящий на страже канонов Земли и Неба, это хозяин Неба. Сюжет произведения отражает его качества, характерные для теневого архетипа, «темные стороны» как отдельной человеческой души, так и человеческого бытия в целом: злобность, лютость, мстительность:

«Зевс:

Күләгәләр... Күктә, Жирдә тынса,
Калкып чыга Дингез, Сулардан...
Эзәрлекли алар... Юк итә дә алмыйм,
Котыла да алмыйм шулардан!..
Йоклап китсәм, төшләремә кереп,
Кинәт ташланалар, буалар...» [15, с. 232]. –

«Зевс:

Тени... Если исчезнут в Небе, на Земле,
Выходят из Моря, из Воды...
Преследуют они... Не могу их уничтожить,
И избавиться от них не могу!..
Если усну, снятся,
Набрасываются, начинают душить...»

В поэме он символизирует, во-первых, силу, способную уничтожить все живое, во-вторых, человеческие войны, в-третьих, священный огонь, напоминающий о жертвах тех войн. Через образы Зевса и Арея автор доводит до читателя свою позицию: счастья и гармонии невозможно добиться через силу. Аид в поэме символизирует ирреальный мир. Аид и богиня Судьбы Ананка, напоминая о смерти, акцентируют внимание на общественной стороне авторской философии: трагедии, связанные с деятельностью человека, могут привести к уничтожению самого человечества. Наряду с ориентированными на зло начало образами богов в поэме присутствует и дочь Зевса Афина, воплощающая в себе идеалы добра. По И. Юзееву Афина – символ Добра, тайна трагедии Атлантиды раскрывается также с ее помощью. Афина, понимающая, что Адам пришел в мир богов с благими намерениями, защищает истину.

Философия, мировоззрение каждого бога, его внутренний мир, отношение к жизни и канонам бытия раскрываются при помощи метафорического образа хора (древний и современный хор, хор Неба, хор Подземелья, хор Гор, хор Теней, хор атлантов Подземелья, хор Нимфы). Напри-

мер, хор Нимфы служит метафорой для оценки образа Афины.

И. Юзеев через хор Нимфы еще раз подчеркивает отношение Афины к миру, к жизни, выделяя ее чистоту и божественную нравственность.

В структуре текста конфликт между Человеком и Богами предстает как противостояние Добра и Зла. По мнению А.С. Шариповой, «конфликт трагедии сводится к столкновению Добра и Зла, на первый взгляд, в лице атлантов и Зевса, вместе с тем, по мнению автора, главным источником Зла, ведущего человечество к гибели, являются не небесные силы, а, в первую очередь, человек сам» [17, с. 34]. Однако, на наш взгляд, трансформируя мифологический сюжет, И. Юзеев через бессмертие богов раскрывает силу «злого начала» на Земле. Изображение людей как носителей добра интерпретирует философскую позицию автора: зло вечно, а добро ограничено, как и человеческая жизнь, и человеческая мечта о человеческом счастье на Земле исчезла, как Атлантида. Таким образом, изображенная автором в произведении вечность – бесконечность, неизвестная людям. Каждый представляет ее себе по-своему, и, следовательно, встреча с вечностью – это его мечта, встреча с самим собой, самопознание себя.

Композиционно сложная поэма З. Мансурова «Хозер Ильясны эзләү» («Поиски Хозур Ильяса»), созданная на основе тюркских мифологических традиций, так же опирается на мифологический сюжет и характеризуется единством реалистических и философских пластов. Реалистический пласт прочитывается в поэме как оценка общественного состояния первой трети XX в. Обрушившиеся на голову народа события первой трети XX в. оцениваются автором как всеобщая трагедия. «Отделение совести от тела», ослабление связей между поколениями, война, голод, осложнение отношений отцов-детей интерпретируются как составные части этой трагедии, безответственность молодого поколения перед старшими, безнравственность интерпретируются как ее второстепенные причины.

Мифологический сюжет, связанный с Хозур Ильясом, являющимся в поэме символом Чистоты и Милосердия и пребывающим в статусе архетипа, выступает связующим звеном между пластами в структуре поэмы, усиливает авторскую позицию. В тюркской мифологии Хозур Ильяс, «который представлен достаточно широким набором признаков и функций в традиционной культуре татар» [18, с. 779], воспринимается как посланник Бога, скитающегося в образе пут-

ника или нищего. В сюжете поэмы Хозур Ильяс предстает в образе старика, благожелателя, утешителя сломленного жизненными трудностями лирического героя. Повествующая о его жизни Ак аби – одна из тех, кто воплощает в себе архетип, символизирующий жертвенность и чистоту. Наряду с Хозур Ильясом присутствуют четыре символических образа: цветок, плеть, плот и очаг. Цветок – продолжение Хозур Ильяса, символ его чистой душевной красоты. Еще одна возложенная на него задача – деление поэтического мира на прошлое и настоящее, в котором существует Хозур Ильяс, обладатель «божественного начала», и «безнравственное, безобразное начало» человеческой жизни. Его превращение в белый цветок говорит о том, что Хозур Ильяс неотделим от матери-Земли, продолжает оставаться дитем природы. А сегодня дети природы отдалились от нее. Плот – показатель благосостояния и духовного богатства, очаг, разведенный Хозур Ильясом, огонь – нравственная устойчивость, свет веры, чести, более того, символ духовного ориентира, своего рода маяка. Образ плети, являющейся символом войн и зла, З. Мансуровым трансформируется как начало пути к добру, своего рода наставление:

«Хозер Ильяс камчы селтәр иде дә,
Карлар-бозлар китә башлый Иделдә!..» [19,
с. 416]. –
«Как только Хозур Ильяс взмахнет плетью,
На Волге начнется ледоход!..»

Хозур Ильяс – символ высоконравственных идеалов. Философский пласт, тесно связанный с религиозно-мифологическим образом, выражает авторскую позицию: человек приходит в эту жизнь лишь раз, поэтому его жизнь должна быть пронизана единством веры, чести и совести, он должен стремиться достичь «Величия Хозур Ильяса». Ключом к пониманию этой философии является взятое эпиграфом к поэме выражение «Наш пророк, мир ему и благословение Аллаха, сказал: эта жизнь длится всего лишь час, поэтому тратьте ее на добрые дела» [Там же, с. 410].

Хозур Ильяс в душе каждого человека ищет свое продолжение, поскольку является светом искры совести и святости в душе. Его исчезновение привело к тому, что в душах отдельных людей погас луч совести, наступило душевное охлаждение. Так, противопоставив совесть и бессвестность, добро и зло, З. Мансуров раскрывает душевную борьбу не только в душе отдельного человека, но и в бытии в целом, пытается усвистить человека, свернувшего не на тот путь, и таким образом обогащать его душу. Трансформация мифологических сюжетов или образов на-

блодается и в других произведениях Зиннура Мансурова: «его стихотворение „Обращение к девушке на Луне“ написано в связи с переписью населения. В этом стихотворении З. Мансура ... есть большие претензии к самому народу, к его чувству „национальной узости“. Поэт делает вывод, что татарской нации не хватает единства, даже в пределах одной семьи царит разногласие» [20, с. 43].

Таким образом, обращение к исламским или тюркским мифологическим сюжетам в татарской поэзии является одной из основных особенностей на протяжении всего литературного процесса. Мифологические сюжеты становятся своеобразными этническими кодами, смысловая функция которых коррелирует с мировоззрением народа, национальными идеями того времени. Начиная с 1920-х гг. татарские авторы начинают обращаться к мировым мифологическим сюжетам, что отчетливо проявляется в творчестве Х. Такташа. Обращение к мифологическому сюжету и его художественная трансформация в структуре текстов второй половины XX в. позволяет сделать следующие выводы: художественный мир поэм Ильдара Юзеева и Зиннура Мансурова ориентируется на реконструкцию, переосмысление греческих и тюркских мифологических сюжетов. Татарские поэты адаптируют их к реалиям второй половины XX в. Мифологические сюжеты и герои в обеих поэмах демонстрируют авторскую позицию о бытии человека, об общечеловеческих ценностях, а также мировоззрение автора. Кроме того, мифологические сюжеты в поэмах второй половины XX в. становятся структурирующими элементами организации поэтических текстов. Эта тенденция свидетельствует о начале нового этапа в художественной интерпретации мифопоэтических сюжетов в развитии татарской поэзии.

Список источников

1. Эдәбият белеме: терминнар һәм тәшенчәләр сүзлеге / Төз. Д. Ф. Занидуллина, В. Р. Эминева, М. И. Ибраһимов, Н. М. Йосыпов, Ә. М. Закирҗанов, Т. Ш. Гыйлажев, Г. Р. Гайнуллина. Казан: Мәгариф, 2007. 231 б.
2. Дорошевич А. Миф в литературе XX века // Вопросы литературы. 1970. № 2. С. 122-140.
3. Погребная Я. В. Актуальные проблемы современной мифопоэтики: учебное пособие / М-во образования и науки Российской Федерации, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования Ставропольский гос. ун-т. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2011. 177 с.
4. Мироненко Е. А. Теория и история литературы: Проблемы фольклоризма и мифотворчества: учебно-методическое пособие.

Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств, 2010. 139 с.

5. Юсупова Н. М. Мифологические образы и сюжеты в лиро-эпических произведениях начала XX века: роль, функции и художественное значение // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. II. С. 211–214.

6. Хабутдинова М. М. Новаторство Х. Такташа в «Трагедии сынов земли» // Филология и культура. Philology and Culture. 2015. № 2 (40). С. 270–274.

7. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 235 с.

8. Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Феномен человека. Антология. М.: DirectMedia, 2013. С. 118–134.

9. Русская литература XX века: Школы, направления, методы творческой работы: учеб. для студентов высш. учеб. заведений / В. Н. Альфонсов, В. Е. Васильев и др.; под ред. С. И. Тиминой. СПб.: Logos; М.: Выш. шк., 2002. 585 с.

10. Эпштейн М., Юкина Е. Мир и человек // Новый мир. 1981. № 4. С. 236–248.

11. Ибрагимов М. И. Миф в татарской литературе XX века: проблемы поэтики. Казань: Gumanitaria, 2003. 62 с.

12. Колобаева Л. А. Русский символизм. М.: Издво Моск. ун-та, 2000. 296 с.

13. Русская проза рубежа XX–XXI веков: учеб. пособие / под ред. Т. М. Колядич. М.: Флинта: Наука, 2011. 518 с.

14. Йосыпова Н. М. XX гасырның икенче яртысы татар шигърияте: традицияләр һәм яңачалык. Казан: «Школа» редакция нәшрият үзәге, 2021. 296 б.

15. Юзеев И. Г. Мәңгелек белән очрашу: шигърыләр, поэма, трагедияләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1985. 227 б.

16. Шәех Л. Шигъри трагедия остасы // Казан утлары. 2010. № 4. 130 б.

17. Шарипова А. С. Создание новых правил художественности в татарской сценической литературе 1970–1980-х годов: драматургия Ильдара Юзеева // Успехи гуманитарных наук. 2021. № 12. С. 31–36.

18. Давлетшина Л. Х. «Хызыр Ильяс» в традиционной культуре татар // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 3. С. 779–781.

19. Мансуров З. Жәрәхәтле йөрәк жылырак. Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. 416 б.

20. Хасanova Ф. Ф. Новые мифы в современной татарской поэзии // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 5 (17). С. 42–45.

Библиографический список

1. Галиуллин Т. Н. Шигърият баскычлары. Казан: Мәгариф, 2002. 158 б.

2. Давлетшина Л. Х. Татарская проза рубежа XX–XXI веков в контексте актуальной мифологической традиции: дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2021. 322 с.

3. Даутов А. И. Юзеев шигъриятенә романтизм. Казан: «ИНТЕЛПРЕСС» нәшр., 2002. 198 б.

4. Занидулина Д. Ф. Дөнья сурәте үзгәру. Казан: Мәгариф, 2006. 191 б.

5. Хабутдинова М. М. Национальный миф в повести А. М. Гилязова «Три аршина земли» // Вестник ТГГПУ. 2009. № 1 (16). С. 103–109.

References

1. Әдәbiyat beleme: terminnar hәm təshenchələr sýzlege (2007) [Literary Studies: A Dictionary of Terms and Concepts]. Төз. D. F. Zahidullina, V. R. Әmineva, M. I. Ibrahimov, N. M. Yosypova, Ә. M. Zakirҗанов, T. Sh. Gilyazev, G. R. Gainullina. 231 p. Kazan, Mәgarif. (In Tatar)

2. Doroshevich, A. (1970). *Mif v literature XX veka* [Myth in 20th-century Literature]. Voprosy literatury. No. 2, pp. 122–140. (In Russian)

3. Pogrebnaya, Ya. V. (2011). *Aktual'nye problemy sovremennoi mifopoetiki: uchebnoe posobie* [Current Issues in Contemporary Mythopoetics: A Study Guide]. M-vo obrazovaniya i nauki Rossiiskoi Federatsii, Gos. obrazovatel'noe uchrezhdenie vyssh. prof. obrazovaniya Stavropol'skii gos. un-t. 2-e izd., ster. 177 p. Moscow, Flinta. (In Russian)

4. Mironenko, E. A. (2010). *Teoriya i istoriya literatury: Problemy fol'klorizma i mifotvorchestva: uchebno-metodicheskoe posobie* [Theory and History of Literature: Problems of Folklore and Myth-Making: A Teaching Aid]. 139 p. Kemerovo, Kemerov. gos. un-t kul'tury i iskusstv. (In Russian)

5. Yusupova, N. M. (2014). *Mifologicheskie obrazy i syuzhetы v liro-epicheskikh proizvedeniyakh nachala XX veka: rol', funktsii i khudozhestvennoe znachenie* [Mythological Images and Plots in Lyric-Epic Works of the Early Twentieth Century: Role, Functions and Artistic Significance]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. No. 4 (34): v 3-kh ch. Ch. II, pp. 211–214. Tambov, Gramota. (In Russian)

6. Khabutdinova, M. M. (2015). *Novatorstvo Kh. Taktasha v "Tragedii synov zemli"* [The Innovation of H. Taktaш in “The Tragedy of the Sons of the Soil”]. M. M. Khabutdinova. Filologiya i kul'tura. Philology and Culture. No. 2 (40), pp. 270–274. (In Russian)

7. Meletinskii, E. M. (1976). *Poehnika mifa* [Poetics of the Myth]. 235 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

8. Kassirer, Eh. (2013). *Tekhnika sovremennykh politicheskikh mifov* [The Technique of Modern Political Myths]. Fenomen cheloveka. Antologiya. Pp. 118–134. Moscow, DirectMedia. (In Russian)

9. Russkaya literatura XX veka: Shkoly, napravleniya, metody tvorcheskoi raboty (2002) [Russian Literature of the 20th Century: Schools, Trends, and Methods of Creative Work]. Ucheb. dlya studentov vyssh. ucheb. zavedenii. V. N. Al'fonsov, V. E. Vasil'ev i dr.; pod red. S. I. Timinoi. 585 p. St. Petersburg. Logos; Moscow, Vyssh. shk. (In Russian)

10. Epshtein, M., Yukina, E. (1981). *Mir i chelovek* [The World and Man]. Novyi mir. No. 4, pp. 236–248. (In Russian)

11. Ibragimov, M. I. (2003). *Mif v tatarskoi literature XX veka: problemy poehtiki* [Myth in Tatar Literature of the Twentieth Century: Problems of Poetics]. 62 p. Kazan', Gumanitaria. (In Russian)
12. Kolobaeva, L. A. (2000). *Russkii simvolizm* [Russian Symbolism]. 296 p. Moscow, izd-vo Mosk. un-ta. (In Russian)
13. *Russkaya proza rubezha XX-XXI vekov: ucheb. posobie* (2011) [Russian Prose at the Turn of the 20th–21st Centuries: A Textbook]. Pod red. T. M. Kolyadich. 518 p. Moscow, Flinta, Nauka. (In Russian)
14. Yosypova, N. M. (2021). *XX gasyrnyq ikenche yartysy tatar shig"riyate: traditsiyalər həm yaçachalyk* [Tatar Poetry of the Second Half of the 20th Century: Traditions and Innovations]. 296 p. Kazan, "Shkola" redaktsiya nəşriyat yzəge. (In Tatar)
15. Yuzeev, I. G. (1985). *Mənqelek belən ochrashu: shigyr'lər, poehma, tragediyalər* [Encounter with Eternity: Verses, Poems, Tragedies]. 227 p. Kazan, Tatar. kit. nəshir. (In Tatar)
16. Shəekh, L. (2010). *Shig"ri tragediya ostasy* [The Master of Poetic Tragedy]. Kazan utlary. No. 4, 130 p. (In Tatar)
17. Sharipova, A. S. (2021). *Sozdanie novykh pravil khudozhestvennosti v tatarskoi stsenicheskoi literature 1970-1980-kh godov: dramaturgiya Il'dara Yuzeeva* [Creating New Rules of Artistry in Tatar Stage Literature of the 1970s–1980s: The Drama of Ildar Yuzeev]. Uspekhi gumanitarnykh nauk. No. 12, pp. 31–36. (In Russian)
18. Davletshina, L. Kh. (2011). "Khyzyr Il'yas" v traditsionnoi kul'ture tatar ["Khyzyr Ilyas" in the Traditional Culture of the Tatars]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. T. 16. No. 3, pp. 779–781. (In Tatar)
19. Mansurov, Z. (2003). *Жərəkhətle jərək işçiylyrak* [A Wounded Heart Is Warmer]. 416 p. Kazan, Tatar.kit.nəshir. (In Tatar)
20. Khasanova, F. F. (2009). *Novye mify v sovremennoi tatarskoi poezhii* [New Myths in Modern Tatar Poetry]. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. No. 5 (17), pp. 42–45. (In Russian)

Bibliography

1. Galiullin, T. N. (2002). *Shig"riyat baskychlary* [Poetry Books]. 158 p. Kazan, Məgarif. (In Tatar)
2. Davletshina, L. Kh. (2021). *Tatarskaya proza rubezha XX-XXI vekov v kontekste aktual'noi mifologicheskoi traditsii: dis. ... d-ra filol. nauk* [Tatar Prose of the Late 20th and Early 21st Centuries in the Context of the Current Mythological Tradition: Doctoral Thesis]. Kazan', 322 p. (In Russian)
3. Dautov, A. I. (2002). *Yuzeev shig"riyatendə romantizm* [Romanticism in Yuzeev's Poetry]. 198 p. Kazan, "INTELPRESS" nəshir. (In Tatar)
4. Zahidullina, D. F. (2006). *Dən'ya surətə yzgəry* [Changing the Worldview]. 191 p. Kazan, Məgarif. (In Tatar)
5. Khabutdinova, M. M. (2009). *Natsional'nyi mif v povesti A. M. Gilyazova "Tri arshina zemli"* [National Myth in A. M. Gilyazov's Story "Three Arshins of Land"]. *Vestnik TGGPU*. No. 1 (16), pp. 103–109. (In Russian)

The article was submitted on 12.10.2025

Поступила в редакцию 12.10.2025

Юсупова Нурфия Марсовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
faikovich@mail.ru

Гильманова Муслима Маликовна,
соискатель кафедры татарской литературы
Института филологии и межкультурной
коммуникации,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
muslimag80@bk.ru

Yusupova Nurfiya Marsovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kreml'yovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
faikovich@mail.ru

Gilmanova Muslima Malikovna,
Ph.D. student in the Department of Tatar Literature, the Institute of Philology and Intercultural Communication,
Kazan Federal University,
18 Kreml'yovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
muslimag80@bk.ru